

Тот самый граф, та самая графиня (Луи-Клермон Бюсси д'Амбуаз. Франция)

Автор:

[Елена Арсеньева](#)

Тот самый граф, та самая графиня (Луи-Клермон Бюсси д'Амбуаз. Франция)

Елена Арсеньева

Преступления страсти. Коварство

«Как-то раз, году этак в 1575-м, в мае, если мне не изменяет память, месяце, к молодому Генриху Наваррскому (будущему Генриху IV, а в то время – пока еще зятю французского короля Генриха III) подбежал этот самый король и воскликнул:

– Тебя предали! Тебе изменили! Твоя жена совокупляется с любовником! Прямо сейчас, в своей собственной комнате! Стоя, даже не сняв одежды! И это видят все, кому не лень подняться по лестницам и поглядеть!..»

Елена Арсеньева

Тот самый граф, та самая графиня

(Луи-Клермон Бюсси д'Амбуаз. Франция)

Как-то раз, году этак в 1575-м, в мае, если мне не изменяет память, месяце, к молодому Генриху Наваррскому (будущему Генриху IV, а в то время – пока еще зятю французского короля Генриха III) подбежал этот самый король и воскликнул:

– Тебя предали! Тебе изменили! Твоя жена совокупляется с любовником! Прямо сейчас, в своей собственной комнате! Стоя, даже не сняв одежды! И это видят все, кому не лень подняться по лестницам и поглядеть!

Анрио (так частенько называли Наварру обожавшие его парижане, будем так его называть и мы) посмотрел на своего венценосного шурина не без интереса. Повадки короля были сейчас совсем не королевские, далекие от той неторопливости и чувства собственного достоинства, которые подобали повелителю великой Франции. Генрих пребывал в неопишуемой ярости! Он просто-таки брызгал слюной и метал молнии, словно разъяренный дракон, которому святой Жорж уже успел изрядно прищемить хвост.

«Значит, это правда, – мысленно вздохнул Анрио. – Вся та болтовня, которую я слышал еще до свадьбы, мол, Генрих Анжуйский[1 - Прежде чем стать королем Франции, Генрих III носил титул герцога Анжуйского, который потом перешел к его младшему брату Франсуа, до того именовавшемуся герцогом Алансонским. (Прим. автора.)] питал вовсе не братские чувства к моей дорогой Марго. И не только питал, но и осуществлял их... Причем он до сих пор к ней равнодушен. Уж не этим ли объясняется его неприязнь ко мне? И не только ко мне, а к тому счастливчику... вернее, к тому несчастному, кого моя прелестница удостоила своей любовью тоже... Клянусь мощами святого Иакова, я не дал бы за его жизнь и того пистоля, который позавчера выпал из моего дырявого кармана и пропал бесследно... Кто же он, бедняга, за упокой души которого скоро будут служить мессу? Честно говоря, мне на него совершенно наплевать, как и на всех прошлых, настоящих и будущих любовников Марго. Да и на нее саму, если уж на то пошло! Измена! Предательство! Да разве супружеская измена – это предательство? Тьфу – и больше ничего. Однако хотя бы для приличия надо изобразить что-нибудь подобное ревности...»

Он старательно напыжился (а поскольку Анрио уродился мужчиной изрядной корпуленции, то стал выглядеть еще более авантажно), сверкнул глазами (а поскольку у Анрио были большие черные глаза, то он стал выглядеть не только авантажнее, но даже в какой-то степени пугающе – ну просто классическое воплощение оскорбленного супруга!) и рокочущим голосом спросил:

– Кто же этот негодяй?!!

– Этот негодяй, – негодуяще взвизгнул Генрих III, – не кто иной, как Бюсси д'Амбуаз!

«Воплощение негодующего супруга» лопнуло, как мыльный пузырь... Анрио ухмыльнулся и пробормотал:

– А, красавчик Бюсси... Ну, тогда бесноваться бессмысленно. Разве вы не знаете, брат мой, что перед ним не может устоять ни одна женщина? Так что предлагаю отпустить бедняжке Марго ее грех и смириться.

У Генриха III от возмущения чуть глаза не вылезли из орбит!

«Жалкий провинциал, распутник! – хотел крикнуть он. – Тебе неведомы высокие чувства! Ты даже на ревность не способен!»

Но он ни слова не вымолвил – так был переполнен негодованием. Пыхтя и булькая, словно выкипающий кофейник, король кинулся по галереям Лувра к покоям матушки-королевы и, только увидев ее черные флорентийские глаза, которые всегда были устремлены на него с горячей любовью, вновь обрел дар речи и воскликнул:

– Матушка, с этим надо что-то делать! Поведение вашей дочери и моей сестры шокирует весь Париж! Вообразите, она даже не дает себе труд запереть двери, когда принимает своего любовника, красавчика Бюсси!

Если Генрих ожидал, что матушка немедленно подберет юбки и кинется колотить блудливую дочку, то он жестоко ошибался. Екатерина Медичи поджала свои и без того тонкие губы и выдавила из себя укоризненно:

– Не знаю, сын мой, какие клеветники доводят до вашего сведения подобные фантазии! Беда моей дочери состоит в том, что она живет в наше несчастное время. В пору моей молодости мы свободно разговаривали с кем угодно и где угодно, и никто не находил в том ничего странного. Вот и я не нахожу ничего странного и предосудительного, что ваша сестра видится с Бюсси. Вы сами говорите, что это происходит не тайком, не в запертой комнате, а на глазах всех желающих! Бюсси знатный человек и первый при вашем брате Франсуа. К тому же... – Тут по губам королевы-матери скользнула мечтательная улыбка: – К тому же он такой красавчик!

И Генрих понял, что и в матушке не найти ему союзницы.

И правильно понял! Вообще не родилась еще на свет женщина, которая могла бы противиться очарованию элегантного, красивого, изящного, черноглазого (разумеется!) Луи-Клермона д'Амбуаза, барона де Бюсси. Говорили, что он проводит все свое время или на дуэлях, или в объятиях красавиц. О да, это был отъявленный, неисправимый дуэлянт! Ходили слухи, будто ему нужен самый незначительный повод, чтобы бросить противнику перчатку или послать картель: повод может «уместиться на лапке мухи», как выражались в те времена. Однажды Бюсси дрался, поспорив о форме узора на шторах! И вообще, он вполне мог сказать, подобно Портосу: «Я дерусь потому, что дерусь!» А уж его любовным дуэлям и числа не было – так же, как и любовным приключениям. Рассказывали, что у него был часослов, в котором он записывал свои истории соблазнения замужних дам, посвящая каждому обманутому им мужу прочувствованный хвалебный гимн.

У Бюсси при дворе было два прозвища – Красавчик и Смелчак.

Ходила даже песенка:

- Кто всех храбрее у нас?
- Конечно, Бюсси д'Амбуаз!
- Кто всех красивей, спроси?
- Конечно, д'Амбуаз де Бюсси!

А королева Маргарита Наваррская писала о нем в своих записках: «Господин д'Амбуаз потрясающий скандалист, но храбрый Бюсси нежен и предан».

По сути своей, он был совершеннейшим двойником королевы Марго (другого пола, понятное дело) и так же, как она, постоянно искал приключений – или любовных, или каких-то иных, желательно поопасней. Эти двое были созданы друг для друга... Просто невозможно удержаться, чтобы не посвятить хотя бы несколько строк истории их любви, которая доставила им обоим столько обворожительных минут и которая стала той, с позволения сказать, лопатой, которая вырыла первую ямку на пути красавчика Бюсси... ямку, со временем превратившуюся в его могилу.

Ко времени их встречи Марго, которая, по слухам, нарочно пришла изнутри к своей любимой юбке вместительный карман, куда она прятала засушенные сердца своих бывших любовников, умерших своей смертью, погибших на дуэлях и павших в сражениях (честное слово! Тальман де Рео, историк и мемуарист, не даст соврать. Вот что он пишет: «Она носила юбки со многими фижмами, в которых было много карманов и кармашков по всей окружности, и в каждый она клала коробочку с сердцем одного из ее почивших любовников; по мере того как они умирали, она заботилась о том, чтобы сердца бальзамировались...»), так вот завела Марго себе новую некрофильскую игрушку – отрубленную голову бедняги Бонифаса де Ла Моля, казненного вскоре после Варфоломеевской ночи. Он был участником заговора, затеянного Анрио Наваррским и герцогом Франсуа Алансонским. Правда, когда дело вскрылось, оба главаря ото всего отперлись, подставив взамен де Ла Моля и его приятеля Коконаса, любовника темпераментной герцогини Неверской, подруги Марго.

Марго было двадцать, ее возлюбленному шел сорок четвертый год (да-да, что бы там ни писал великий враль Александр Дюма-отец... а он вообще здорово наврал и в других своих романах, что мы вскорости и обнаружим!), и он, как выражались в тот галантный век, «более умел побеждать на полях Венеры, нежели Марса». С другой стороны, Маргарита и была истинная Венера, жемчужина красоты, что вполне подтверждалось ее именем – ведь «маргаритос» по-гречески означает «жемчуг».

Великий французский поэт того времени Ронсар восторгался ею в стихах:

Ее чело, мирозданья венец,

В божественном нимбе волнистых волос,

Вьющихся, льющихся вместе и врозь,

С дымным оттенком прекрасных колец.

А историк Брантом восторгался красавицей Марго в прозе: «Никакая другая женщина не умела так изящно подчеркнуть свои прелести. Несколько раз я видел, как она подбирала туалеты, обходясь совершенно без париков, при этом умея так взбить, завить и уложить свои жгуче-черные волосы, что любая прическа ей шла... Я видел ее в белом атласном платье, усыпанном множеством блесток... прозрачная вуаль из крепа, с римской небрежностью наброшенная на голову, создавала ощущение чего-то неповторимо прекрасного... Я видел ее в

платье бледно-розового испанского бархата и в колпаке того же бархата, столь искусно отделанном драгоценными камнями и перьями, что трудно представить себе что-то более восхитительное».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прежде чем стать королем Франции, Генрих III носил титул герцога Анжуйского, который потом перешел к его младшему брату Франсуа, до того именовавшемуся герцогом Алансонским. (Прим. автора.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elena-arseneva/tot-samyu-graf-ta-samaya-grafinya-lui-klermon-byussi-d-ambuaz-franciya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)